

Н.В. Ерёмкина - старший преподаватель Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, кандидат педагогических наук, ведущая семинаров в «Школе православной семьи» Воскресной школы Спасо-Парголовского храма.

ВОЗРАСТИТЬ ДИТЯ В РАДОСТИ

Нам посчастливилось в фольклорно-этнографических экспедициях на русском Севере познакомиться с удивительно стройной системой воспитания в крестьянских семьях, которая помогала вырастить ребёнка и всесторонне подготовить его к жизни. Очень хотелось бы, чтобы записанные нами материалы, вошли в нашу современную жизнь, хоть как-то осваивались сегодняшними родителями и педагогами.

В традиционных русских семьях человек с самого детства готовился стать членом коллектива, учился играть в нём определённую роль.

Любое слово, обращённое к крохотному младенцу, лежащему в колыбели, было не просто поэтическим словом, оно было напевным словом, наполненным смыслом и значениями. К примеру, в колыбельной, записанной нами в Каргопольском районе Архангельской области, есть пожелания малышу вырасти достойным доброго имени семьи:

Уж ты спи, сынок, не майся,
Во свою семью удайся:
Ты удайся в того,
Кто работает добро,
Ты ещё удайся в тех,
Кто в природе (в роду) лучше всех!
Будешь роду не простого,
Поколенья не пустого.

В народной традиции понимание ребёнка как существа, живущего в трёх измерениях одновременно: телесном, душевном и духовном, было вполне естественным. Наши предшественники были убеждены, чтобы ребёнок вырос крепким и здоровым, кормить нужно не только тело, нужно «окормлять» душу – Словом, Светом, Любовью, Радостью. Мне врезались в память слова одной бабушки, которая много нам рассказывала о воспитании детей: «Это вы думаете, что ребёнок растёт от того, как вы его кормите. Нет, ребёнок растёт не от этого. Ребёнок растёт от радости! И

чем больше вы ему радости дадите, пока он маленький, тем ему светлей по всей жизни идти будет». Психологами доказано, что эмоциональное, нацеленное на ребёнка радостное общение становится фундаментом его дальнейшего мироощущения, убеждения в том, что мир прекрасен, жить стоит, любовь есть!

Я уверена в том, что опыт народных традиций воспитания необходим нашим современным, «информационно продвинутым» детям. Мои собственные дети и дети моих коллег-единомышленников выросли на этой основе. Детский фольклор, игры, сказки, загадки могут помочь нам не потерять себя, лучше осознать и сохранить собственную идентичность – кто я, откуда я родом, какое оно моё прошлое?

Мы убеждены, что ребёнок, который с детства прикоснулся к народной игровой культуре, будет уметь полноценно, с достоинством играть любую роль, которую предоставят ему жизненные обстоятельства, в том числе, и «не престижную» с точки зрения существующих в обществе представлений. Результат такой жизненной позиции – гармоничное, спокойное отношение к жизни, её трудностям, стремление жить так, чтобы твоё счастье зависело не от «удачи» или «неудачи», «повезло» или «не повезло», а от умения строить свою деятельность на основе осознания целого и важности твоей роли в этом целом, какова бы она ни была. Чтобы люди вокруг могли сказать словами старинной колыбельной: он – «поколенья не пустого».

А закончить мне хочется словами удивительной нашей пословицы – «Ребёнка вырастить, что церковь построить». От нас с вами зависит то, каким строительным материалом мы будем пользоваться. Пусть этим материалом будет народное напевное слово, сохранённое в глубинах России талантливыми, терпеливыми и мудрыми нашими стариками. Воспользовавшись их опытом, мы сможем вырастить наших детей такими, какими мы хотим их видеть: жизнелюбивыми

и жизнестойкими, хорошими хозяевами, любящими свою семью и землю, на которой они родились. И еще один текст колыбельной в заключении:

- А спи-се со Богом, спи со Христом,
Спи со Христом, спи со ангелом,
Спи со ангелом, со архангелом!
Бай, баю-бай!
Успения Мать, уложи младеня спать,
Уложи младеня спать на тесову на кровать,
Бай, баю-бай!
Уж ты, Богородица, дай Поленке здоровьица,
Бай, баю-бай!
Тебя Бог нам дал, да Христос даровал,
Пресвятая Богородица пожаловала,
Бай, бай-бай, бай!
Нам пожаловала да понаказывала,
Бай, баю-бай!
Вы водитесь да не ленитесь,
Бай, баю-бай!

Протоиерей Артемий Владимиров

МОЯ ПАСХА

Пасха Христова! Как по-разному именуют её церковные песнопения! Пасха Красная, Пасха Великая, Пасха Таинственная, Пасха двери райские нам отверзающая... Я хочу рассказать вам о тайне Пасхи, райские двери которой раскрываются перед каждым из нас в час, ведомый лишь одному Богу...

Будучи с детства крещён, я, конечно, слышал нечто о Пасхе. Моя бабушка – человек старинного воспитания, всегда пекла к Пасхе куличи. Ах, эти бабушкины куличи! Сейчас таких уже не пекут. Многие думают, что куличи делать должно лёгкими, почти невесомыми, похожими на бисквиты. Когда я был маленький, куличи были очень большими. Бабушка выпекала их из плотного, тяжёлого янтарного теста, столь благоуханного и ароматного, что роскошно было некоторое время нюхать воздух около такого чудо-кулича и уже почувствовать себя насыщенным. Ваниль, кардамон, цедра, миндаль – какие только специи не входят в настоящий бабушкин кулич! Всем, кажется, ясно, что мы, трое внуков, с особенным нетерпением ждали приближения Пасхи... и узнавали её по запаху. Убеждён, что и нынешние дети знают, как красить пасхальные яйца, а многие наши читатели разводят на столе целые лужи моря: красное море, жёлтое море, синее... Но сколько бы ныне ни изобретали химических красителей, лучше Богом данной луковой шелухи всё равно не найдёшь, только вскипятить её, а затем с замираньем сердца опускать в бурю влагу одно яйцо за другим (предвари-

тельно сварив их). Какие же чудные они выходят после предпасхального купания! С гладкими боками, загорелые, довольные, одно посветлее, другое потемнее. Такие яйца смело можно есть на Пасху, не боясь расстройства желудка: шелуха – это вам не искусственные красители!

Был у нашей бабушки знакомый и знаменитый в Москве регент, руководитель церковного хора. Храм, где регентовал Николай Васильевич Матвеев, находился на улице Ордынка и известен москвичам своей чудотворной иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Тогда я ещё ничего не знал ни об иконе, ни о самой Пречистой Деве Марии. Потому что в церковь нас бабушка водила один раз в год, на Пасху. Сейчас вспоминаю всю гамму чувств, которыми наполнялось мальчишеское сердце в далёких-далёких и уже многим читателям неведомых шестидесятих годах уходящего столетия.

Во-первых, попасть тогда на Пасху в действующий храм столицы подростку было не менее трудно, чем аргонавтам добыть золотое руно, а Иванушке из русской сказки обрести чудо-жар-птицу. Нужно было миновать поистине огонь, и воду, и медные трубы, пройти Сциллу и Харибду в виде заслонов и препон, составленных из патрулей милиции и комсомольцев – молодёжи, присланной с нарочитой целью – не пускать в храм тех, кому вокруг и около 16 лет. Нам с братом-близнецом не исполнилось тогда и 8–9. Если бы не таинственный Николай Васильевич, казавшийся мне почти добрым волшебником, живые стены и цепи блюстителей «порядка» (что это за порядок – не пускать детей в храм Божий!) никогда бы не раздвинулись, не разомкнулись. Но, о чудо! Произнесено его почти никому не слышное, но могущественное слово – и проход свободен! Уже тогда я уразумел, что советская власть не всемогуща, а тем более не вечна.

Другое переживание было связано с местом в церкви, куда нас отводили во время пасхальной утрени. Как сейчас понимаю, этот укромный уголок обретался рядом с правым клиросом, которым командовал тот же удивительный Николай Васильевич. Вокруг меня молились люди со светлыми, радостными лицами, чуть поодаль огромный хор, как один человек, громко и славно славил Христово Воскресение, а я стоял... и боялся. Мне казалось тогда, что кто-то из близстоящих мужчин по-

дослан с целью следить за нами и затем сообщить куда следует. Недетский страх сжимал тогда мою бедную душу, ещё не обращённую ко Господу в живой и радостной вере. И кажется сейчас, что благодать сходила на сердце лишь когда мы оказывались дома у ближайших родственников, живших на Большой Молчановке, у Нового Арбата. В хорошо знакомой мне огромной квартире с длинным-длинным коридором было много картин-подлинников известного русского художника Серова. Мы садились за праздничный стол, а на меня глядело со стены знаменитое полотно «Похищение Европы». На быке, разрезающем волны своей могучей грудью сидит грациозная женщина – Европа – и смотрит на вас загадочным взором. Не знаю как Европа, а русские люди даже в те нелёгкие годы умели праздновать дома Пасху Христову. Здесь не было ни милиции, ни комсомольских патрулей, зато собрались сродники и друзья, милые сердцу лица, на стол приносилась пасха в форме четырёхгранной пирамиды, на боках которой отпечатались голубки и заветные буквочки «ХВ». Разрезались куличи, почти такие же вкусные, как у бабушки, и все начинали «разговляться», хотя пост моя родня ещё не соблюдала. Подлинная церковность пришла к нам позднее. Детская душа ликовала, как могла она вслушивалась в оживлённые разговоры взрослых, вбирала в сердце пасхальное веселье с его праздничными яствами, радостью семейного общения, ночным временем, когда почему-то совсем не хочется спать... и не понимала лишь одного. Почему, почему без умолку, не переставая, на все лады пел церковный хор «Христос Воскресе»? Почему родственники, ничего нам, маленьким, не объясняя, целовали троекратно щёки с теми же словами «Христос Воскресе»? Что означал ответ, который повторяли мои уста, не понимая смысла слов, в них содержащегося: «Воистину Воскресе!»

Спаситель наполнял мою душу пасхальным торжеством, но Сам ещё не являл Своего светлого лика; Он, смиренный и кроткий, долготерпеливый Господь наш, знал, что время ещё не пришло... И лишь годы, годы спустя душе моей суждено будет припасть со слезами покаяния и исповедания к стопам Того, Кто оставался неизреченно милостивым, но до времени не узнанным.

Страничку подготовила Наталья Черепович